

РАННЯЯ РУССКАЯ РЕДАКЦИЯ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

Проблемы древнейших русско-болгарских языковых контактов, стоящие в центре внимания ученых-славистов, в настоящее время являются все еще недостаточно изученными. Общеизвестно, что старославянский язык, перенесенный на Русь, претерпевал здесь ряд изменений под влиянием восточнославянской языковой стихии. Происходил процесс русификации старославянских текстов, который привел к выработке церковнославянского языка русской редакции. Ф.П. Филин указывал на постепенность этого процесса, который начался с памятников канонической литературы и особенно сильно затронул памятники светского содержания¹. Р. Павлова, считая, что вопрос о русификации старославянских (древнеболгарских, по терминологии автора) текстов до сих пор не решен, отмечает, что "мнения о том, что русификация была незначительной и касалась прежде всего (или только) фонетики или наоборот, что она становилась

¹ Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 223.

все сильнее с XI—XIV вв. и охватывала лексику и грамматику, надо серьезно защитить сопоставительными текстолого-языковыми исследованиями”².

В этой связи известный интерес может представить лингвотекстологическое исследование древнейших славянских памятников, имевших длительную историю бытования на Руси. В процессе этого бытования возникали русские редакции таких произведений, в том числе редакции языковые. При этом мы исходим из того положения, что редакция является результатом преднамеренной целенаправленной переработки языка памятника по ряду направлений и представляет собой более высокую ступень языковых изменений, чем русификация, осуществляемая в процессе бытования памятника³.

Одним из наиболее популярных у древнерусских читателей произведений был “Шестоднев” Иоанна экзарха Болгарского, явившийся своеобразной естественнонаучной энциклопедией, содержащей разнообразные сведения о природе с элементами античной натурфилософии. О длительности его бытования на Руси свидетельствует большое число сохранившихся списков этого произведения. В книгохранилищах Москвы и Ленинграда находится более 50 списков “Шестоднева” XIII—XVIII вв. Только два из них — древнейший список “Шестоднева” 1263 г. (ГИМ, собр. Синодальное, N 345), изданный в 1879 г., и список XV в. (ГИМ, собр. Синодальное, N 35) являются списками южнославянского извода: древнейший из них сербский, список XV в. — болгарский. Остальные списки — русские.

Наиболее ранние сохранившиеся русские списки относятся к XV в. Однако есть данные, позволяющие считать, что “Шестоднев” Иоанна экзарха появился на Руси значительно раньше XV в. Об этом свидетельствует прежде всего факт включения отрывков из “Шестоднева” в состав “Толковой Палеи” древнерусского компилиативного сочинения, появившегося на Руси, по всей вероятности, в XIII в. Об этом писали исследователи “Толковой Палеи” В. Успенский, А.Н. Рытенко и А. Карнеев⁴. А.В. Рытенко указывал, что фрагменты из “Шестоднева”, содержащие сведения природоведческого характера, были распространены в древнерусской литературе в качестве самостоятельной статьи. Ученые отмечают, что “Шестоднев” Иоанна экзарха Болгарского заметно влиял на развитие древнерусской литературы на ранней стадии ее развития: “Следы знакомства с ним мы встречаем уже в Слове о законе и благодати митрополита Илариона, в Погребении Владимира Мономаха”⁵.

² Павлова Р. Некоторые проблемы изучения языковых взаимодействий болгар и русских (Х—XIV вв.) // Славянска филология. Доклади и статьи за IX Международен конгрес на славистите. Т. XVII. Езикознание. София, 1983. С. 34.

³ Об определениях редакций см.: Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. перераб. и доп. Л., 1983. С. 132—139; Жуковская Л.П. Текстология языка древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 18.

⁴ См.: Успенский В. Толковая Палея. Казань, 1876; Рытенко А.В. Материалы для литературной истории Толковой Палеи. СПб., 1908. Вып. I; Карнеев А. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палеи и Златой Матицы // Журнал Министерства Народного просвещения. СПб., 1900. Ч. 327, № 2. С. 335—366.

⁵ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. I. Ч. I. С. 204. См. об этом также в ра-

Рукописная традиция “Шестоднева” сохранялась на Руси вплоть до XIX в. Еще в XVII в. им зачитывался опальний протопоп Авва-кум, возможно, взявший его с собой в ссылку⁶.

Лингвотекстологическое исследование списков “Шестоднева” показывает, что в процессе бытования на Руси это сочинение претерпело значительные изменения. Они касаются содержания и сохранности текста, а также языка произведения.

Подробное описание выявленных списков “Шестоднева” и их группировка содержится в работе автора, вышедшей в 1973 г.⁷ К спискам, обнаруженным после выхода этой работы, следует добавить еще пять: ГБЛ, собр. Гранкова, пост. 86/42 — 1975 г., XV в.; ГБЛ, собр. Егорова, N 604, XVII в., ГПБ, собр. Санкт-Петербургской духовной академии, N 31, кон. XV—нач. XVI в., ГПБ, собр. Погодина, N 1089, XVII в.; ГИМ, собр. Синодальное, N 996, XVI в.

В основу нашей текстологической классификации были положены общие пропуски, по их наличию или отсутствию были выделены наиболее крупные текстологические образования — ветви. Дальнейшее разделение списков выразилось в определении групп внутри ветвей, при этом учитывалось наличие перестановок частей текста, более мелких пропусков, а также вставок. Особое внимание было уделено IV Слову, содержащему сведения о солнце, луне, звездах и пяти известных в то время планетах, а также критику астрологических воззрений. Это Слово оказалось наиболее показательным в текстологическом отношении для группировки списков.

Наибольшей полнотой в IV Слове отличается сербский список 1263 г., который был взят в качестве своеобразного эталона при сравнении списков. В результате проведенной классификации списков было выделено 4 ветви: Уваровская, Чудовская, Белозерско-Барсовская и Егоровская. Названия ветвей и групп, разумеется, условны и отражают принадлежность рукописи, определенной как основной представитель той или иной ветви (группы), к собранию, в которое она входит. Набор текстологических признаков сочетается в списках той или иной ветви (группы) с лексическими особенностями, повторяющимися в списках данной ветви (группы) без существенных отличий.

Во всех исследуемых списках текст IV Слова отличается по полноте от текста списка 1263 г. (С-345) и не содержит отрывков, условно обозначенных нами как П IVв, П IVд, П IVж и П IVз⁸.

батах: Лихачев Д.С. “Шестоднев” Иоанна экзарха Болгарского и Поучение Владимира Мономаха // Вопросы теории и истории языка (Сб. в честь проф. Б.А. Ларина). Л., 1963. С. 187—190; Он же. “Слово о погибели русской земли” и “Шестоднев” Иоанна экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи (Сб. к 70-летию акад. М.П. Алексеева). М.; Л., 1966. С. 92—96.

⁶ См.: Сарафанова-Демкова Н.С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 367—372.

⁷ Баранкова Г.С. К текстологическому и лингвистическому изучению списков “Шестоднева” Иоанна экзарха Болгарского // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973. С. 172—215.

⁸ Условные обозначения, принятые в настоящей статье, повторяют принятые в работе 1973 г. сокращенные условные обозначения: пропуски или вставки обозначаются сово-

Списки Чудовской ветви характеризуются совокупностью общих пропусков П IVв, П IVд, П IVж, П IVз, а также пропусков П IVк, П IVо, П IVр, П Iа, П IIа и П IIб. Спискам Академической группы этой ветви свойственно наличие перестановок в тексте I и II Слов, а спискам Румянцевской группы присущи дополнительные пропуски П IVт, П IVу, П IVф и П IVх, однако нарушений в порядке расположения частей текста I и II Слов здесь не произошло. Списки Чудовской ветви получили значительное распространение на русской земле. Старшие из них относятся к XV в.

В текстологическом отношении наиболее противопоставлены спискам этой ветви списки Белозерско-Барсовской ветви, самые ранние представители которой относятся к XIV в., но по IV Слову это наиболее дефектные из всех списков. Они имеют значительный по размерам пропуск П IVб, включающий пропуски П IVв, П IVд, П IVж, и П IVз, а также небольшой пропуск П IVм. Списки четырех групп этой ветви — Волоколамской, Белозерской, Барсовской и Соловецкой — отличаются друг от друга наличием дополнительных пропусков или разного типа перестановками.

Списки Уваровской и Егоровской ветвей представляют собой поздние русские редакции "Шестоднева"⁹ и в дальнейшем будут устраниены нами из рассмотрения.

Текстологическое изучение русских списков "Шестоднева" сочеталось в нашей работе с их лингвистическим анализом. Изучение лексико-словообразовательных особенностей списков Чудовской ветви позволяет противопоставить по характеру языковых разнотечений списки этой ветви спискам остальных ветвей и групп.

Совокупность выявленных языковых особенностей (орфографических, фонетических, лексических и словообразовательных) позволяет, на наш взгляд, говорить о целенаправленном, последовательно проведенном на Руси редактировании языка этой группы списков "Шестоднева".

Остановимся на орфографии списков Чудовской ветви, отражающей фонетические черты древнерусского языкового строя. Старшие списки Академической группы названной ветви, относящиеся к XV в., имеют типичные русские черты в правописании. В некоторых списках XV в. (Сolv-318, Квар-47, Чудв-171) совсем не употребляется ж, а если употребляется в других списках, то вне соответствия с этимологией, т.е. "по-русски". Общеславянское сочетание *dj сообразно русской фонетике довольно последовательно передается в списках Академической группы как ж: ноужа МДАФ-145, л. 136, Чудв-171, л. 108 об., прежде Квар-47, л. 6, вожь МДАФ-145, л. 140, надежь МДАФ-145, л. 154, ражающимся Чудв-171, л. 108, МДАФ-145, л. 135, но наряду

согласностью заглавной буквы П (или В), римской цифры, совпадающей с номером Слова "Шестоднева", и русской строчной буквы, которой зашифрован соответствующий отрывок текста, пропущенный (вставленный) в данном списке. Условные шифры рукописей, употребляемые ниже, заимствованы из той же статьи автора.

⁹ Лексические и словообразовательные особенности такой редакции рассмотрены нами в статье "Глоссирование как прием редактирования в списках поздней русской редакции "Шестоднева" // История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 30—56.

с этим иногда можно встретить и прежде Квар-47 л. 6 об. и т.п. Сочетание *tj выступает всегда как щ: сеѣца, хощу и т.п. В сочетаниях редуцированных с плавными типа *tъrt, *tъrt, как правило, гласная буква предшествует плавному согласному: перваѣ Квар-47, л. 8 об., молчаньемъ МДАФ-145, л. 136, Чудв-171, л. 108 об., объдержаща МДАФ-145, л. 140, провертаны МДАФ-145, л. 136, стерпѣти МДАФ-145, л. 158 об. К числу древнерусских особенностей следует отнести написания с буквой е в соответствии с ъ в древнейших южнославянских памятниках: треба МДАФ-145, л. 159, телесны Квар-47, л. 9 об., древо Квар-47, л. 33 об. и под.

Отмечаются написания с начальными буквами о, ou в соответствии со старославянскими е, ю в начале слов: ѿдиного (наряду с единъ), ѿсен'ныи, ѿужныи, ѿугъ, ѿузами (наряду с южнаи, югъ).

Из древнерусских морфологических особенностей, отраженных в списках этой группы, укажем наличие стяженных форм имперфекта, местоименных форм тобъ, собъ.

В то же время в этих списках наблюдается сохранение сочетаний ра, ла, ре между согласными из общеславянских *ог, *ол, *ег, *ел (типа градъ, драгое, глава и т.п.) при отсутствии полногласных форм. Начальные общеславянские сочетания *ог, *ол передаются как ра, ла (лакъть, работа и т.п.).

Перечисленные языковые и орфографические особенности характерны для ранних русских рукописей XI—XII вв. А.И. Соболевский считал, что процесс обрушения церковнославянских текстов, постепенно осуществлявшийся в XI и XII вв. и закончившийся в XII в., привел к образованию русского извода церковнославянского языка. Среди черт этого извода он называл следующие: "у вместо ж; я, а вместо а; глухие ъ, ѿ или из них о, е перед плавными; ра, ла вместо русских оро, оло; ре вместо церковнославянского рѣ, русского ере; жд вместо русского ж; ѿ вместо церковнославянского ѿт, русского ч"¹⁰ и др. Н.Н. Дурново отмечал, что "в русском литературном диалекте старославянского языка не принято было, между прочим, употреблять слова с полногласием, с ч, с начальными ро-, ло-"¹¹. В.Н. Щепкин считал, что "к середине XII в. многие черты древнеболгарской орфографии исчезли совершенно"¹². К числу особенностей древнерусской орфографии этого времени он относил отсутствие букв ж, ѵ, ѿ: "сообразно русской фонетике ж всюду заменен написаниями ou или ѿ, ѵ заменен через ю, ѿ заменен через а или через я"¹³.

Очевидно, что в списках "Шестоднева" XV в., относящихся к Чудовской ветви, сохраняется ряд языковых черт, свойственных древнерусским рукописям XI—XII вв. При этом правописание списков Академической группы рассматриваемой ветви было ориентировано именно на существующую в древнерусском литературном языке языковую

¹⁰ Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 30.

¹¹ Дурново Н.Н. Славянское правописание в X—XII вв. // Slavia, 1933. Roč. 12. Seš 1—2. S. 78.

¹² Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967. С. 114.

¹³ Там же. С. 114.

норму, о чем свидетельствует отсутствие вариантов с ч, полногласных форм, которые, по мнению Н.Н. Дурново, осознавались в тот период как нелитературные. Заслуживает внимания тот факт, что в списках этой группы довольно последовательно проводится написание русского ж вместо церковнославянского жд, в ряде списков отсутствует буква ж.

Совсем другую картину можно увидеть в орфографии старших списков Белозерско-Барсовской ветви. Она явно указывает на использование среднеболгарского оригинала. Так, в большинстве списков этой ветви употребляется ж, при этом нередко можно встретить смешение юсов (и как отражение этого смешения написания буквы у вместо я и наоборот): нѣс ли то все бесъщагоса ѿма дѣло Сол-1186, л. 158, Бел-13, л. 115 об., Бар-90, л. 129 об., им же всѧ звѣзды іаже зовем неплавающаа и плавающаа поуть (вместо пать) Бел-1, л. 93 об., неплавающю и плавающю поуть (вместо пать) Арх-124, л. 126 об., растащи и хѣдѣющи Бел-13, л. 116, Арх-124, л. 141, Бел-1, л. 98, Бар-90, л. 130 об., предложующімъ Сол-1186, л. 157 об., в обапол'ныя іадоли Поп-162, л. 237, и іаже имат любовь къ неплавающимъ плавающж звѣзды и къ троеагльнымъ и къ четвороагльнымъ Бар-90, л. 128 об., да въ азинѣ єло заключише Поп-162, л. 229 об., іажичень Бар-90 и т.п.

Наблюдается употребление ъ вместо я: премѣнѣть Бар-90, л. 138, землѣ же бѣше невидима Сол-1186, л. 88, іавлѣющица Бар-90, л. 130 об. и т.п.

В общеславянских сочетаниях редуцированных с плавными типа *тыгт, *тыгт буква плавного чаще пишется перед гласными: тврьдъ Бар-90, Егр-619, връхомъ, пръвыи, мльчать Вол-443 и т.п., хотя имеются и русские написания: корчлы, в первыхъ, ѿчертеннем, дерзающе и т.п. В большинстве списков Белозерско-Барсовской ветви употребляются также буквы і, ѿ. В отличие от списков Чудовской ветви общеславянское сочетание *dj преимущественно передается как жд: ноужда, раждание, обхождение, вождь, заграждаешь, враждение и т.п., наряду с которыми встречаются и русские написания прежде, загражаетъ, поражающоса и т.п. В начале слов чаще пишется ю, е: въ юзинѣ, юголники, югъ, по южъскимъ, единаго, есеньныи. Слова типа трѣба, врѣма, врѣдъ чаще всего пишутся по старославянским нормам с ъ, русизмы редки. После гласных а заменило я: в каа, в таа, ѿбрьжащаа, дроугаа, великаа, чюднаа (особенно часто это явление наблюдается в списках Вол-443 и Бел-13). Следы среднеболгарского оригинала особенно ощущимы в правописании списков Барсовской группы Белозерско-Барсовской ветви — Бар-90 и более поздних списков той же группы: Поп-162, кон. XVI—нач. XVII в. и даже Арх-124, XVII в.

Однако существование древней русской редакции "Шестоднева" подтверждается лексико-словообразовательными особенностями списков в большей степени, чем их орфографическими чертами. Перечислим лексические варианты в тексте IV Слова "Шестоднева", свидетельствующие о противопоставлении списков Чудовской ветви спискам остальных ветвей и групп, сопроводив их некоторыми комментариями.

вътѣгноути Чудовская ветвь, С-345 — мощи Белозерско-Барсов-

ская, Егоровская, Уваровская ветви: да не втагнеть съ всего того въ дробный час МДАФ-145, л. 122. Оба глагола синонимичны в значении 'мочь, быть в состоянии'. Глагол мощи известен с древнейших времен по памятникам старославянской и древнерусской письменности (Срезн. II, 181—182), в то время как вътѣгноути однократно отмечен И.И. Срезневским по древнерусскому источнику — Ипатьевской летописи 6682 г. (Срезн. I, 434).

дѣла Чудовская ветвь — ради Белозерско-Барсовская, Егоровская и Чудовская ветви — цѣща С-345: яко наплоутъ дѣла МДАФ-145, л. 131 об. и др. Исследуя распространенность послелогов дѣла — ради в древнерусском языке, В.В. Колесов отмечает преобладание варианта дѣла в деловой и разговорной речи. Ученый считает, что "для ранних древнерусских вариантов даже переводных церковнославянских текстов более характерно дѣла, чем ради"¹⁴.

естество Чудовская ветвь — житие Белозерско-Барсовская ветвь, Егоровская и Уваровская ветви, С-345: противъ нашемоу естеству МДАФ-145, л. 130. Оба слова зафиксированы в словарях по ранним церковнославянским и древнерусским памятникам, однако различаются семантически: естество — 'природа и существующий в ней порядок, естество', 'природные свойства, характер, натура', 'существо, создание, творение', 'вещество', 'род, порода', 'тело, плоть', 'отличительные признаки пола' (Сл. РЯ XI—XVII вв., т. 5, с. 62). Житие — 'жизнь', 'образ жизни', 'действия святого', 'проживание, поселение', 'место постоянного поселения', 'имущество, богатство, хозяйство' (Сл. РЯ XI—XVII вв., т. 5, с. 116). Как видно из приведенных определений, эти слова ни в одном из своих значений не совпадали. Очевидно, в протографе списков Чудовской ветви произошло переосмысление контекста: слово житие, употребленное в значении 'образ жизни', было заменено в нем словом естество, имеющим значение 'природные свойства, характер, натура', 'род, порода'.

изрѣдьныи Чудовская ветвь — подобъныи Белозерско-Барсовская, Егоровская и Уваровская ветви, С-345: ти тако на образы изрѣдьныи раствори всю тварь МДАФ-145, л. 107 об. Слово изрѣдьныи отмечено И.И. Срезневским по памятникам в значениях 'избранный, превосходящий', 'чрезвычайный, необыкновенный' (Срезн. I, 1080). У слова подобъныи в этом же словаре выделено несколько значений: 'удобный, подходящий', 'соответствующий, подобающий', 'подобный, похожий', 'прекрасный, великолепный' и др. (Срезн. II, 1041—1042). Как свидетельствуют данные исторических словарей, оба слова были употребительны в старославянском и древнерусском языках. По-видимому, в протографе Иоанна экзарха стояло слово подобъныи, так как по своей семантике оно более подходит к рассматриваемому контексту: всему созданному бог придал соответствующие образы (виды). Замена слова подобъныи словом изрѣдьныи в списках Чудовской ветви произошло вследствие переосмысления контекста (на образы изрѣдьныи, т.е. необыкновенные, прекрасные), что было возможно благо-

¹⁴ Колесов В.В. Дѣла-ради в древнерусском литературном языке // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 32.

даря общему значению этих вариантов — ‘прекрасный, великолепный’, ‘чрезвычайный, необыкновенный’.

льзѣ Чудовская ветвь, С-345 — *мощно* Белозерско-Барсовская, Егоровская ветви: нѣсть бо лъзѣ быти тѣлоу в телеси МДАФ-145, л. 108 об. Данные словаря И.И. Срезневского свидетельствуют о большей употребительности первого члена этой пары — наречия *льзѣ* — в древнерусском языке, представленного в этом словаре по широкому кругу древнерусских источников — грамотам, летописям, Слову о полку Игореве. Этой употребительностью в древнерусском языке, по-видимому, объясняется сохранение слова *льзѣ* в списках Чудовской ветви, стоявшего в протографе Иоанна экзарха.

мимо Чудовская ветвь, С-345 — *разѣ* Белозерско-Барсовская и Уваровская: мимо же то ничто же не пытати МДАФ-145, л. 106 об. В списках “Шестоднева” варианты *мимо* — *разѣ* выступают в значении ‘сверх, помимо, кроме’, при этом оба они отмечены в памятниках церковнославянского и древнерусского языков.

пытати Чудовская ветвь, С-345 — *въпрашати* Белозерско-Барсовская, Егоровская и Уваровская ветви: так же и в сіании первоубытного свѣта пытати МДАФ-145, л. 106 об. Оба глагола употреблялись в древнерусском и церковнославянском языках с древнейших времен. Заслуживает упоминания, что глагол *пытати* в значении ‘спрашивать, расспрашивать, разузнавать, разведывать’ с пометами стар. и юж. представлен у В.И. Даля (Даль, III, 548).

раздѣрати Чудовская ветвь, *прѣдѣрати* С-345 — *развѣщи* Белозерско-Барсовская, Егоровская и Уваровская ветви: и немощныи тои поставь раздереть МДАФ-145, л. 135 об. — 136. Перечисленные варианты синонимичны в значении ‘разрушить, уничтожить’, однако первый из них — глагол *раздѣрати*, по всей вероятности, отличается большей употребительностью от остальных, которые не представлены в “Материалах” И.И. Срезневского. Глагол *раздѣрати* в значениях ‘снести, сорвать’, ‘разрушить’ зафиксирован И.И. Срезневским по I Новгородской летописи (Срезн. III, 38).

разлоучитисѧ Чудовская ветвь, С-345 — *разрѣшити* Белозерско-Барсовская, Егоровская и Уваровская ветви: так же и великаꙗ глубиноу моръскою на каплѧ аки синь раздробивъ тако же споющасть на землю но се дивно есть аще сѧ разлоучить то како сѧ истощить все МДАФ-145, л. 156. Относительно этой пары слов следует отметить, что, по данным И.И. Срезневского, один ее член — глагол *разрѣшити* (*раздѣшити*) употреблялся в древнейших памятниках — Остр. ев., Панд. Ант. XI в., Гр. Наз. XI в. и др. (Срезн. III, 38) в значениях ‘развязаться, разомкнуться’, ‘освободиться’, ‘быть отмененным, уничтоженным’, ‘быть освобожденным’. Другой член — *разлоучитисѧ* — синонимичный слову *разрѣшити* в одном из значений ‘быть отделимым’, отмечен И.И. Срезневским по Златостр., тогда как в древнерусских памятниках он широко использовался, но в иных значениях: ‘отойти, отлучиться’, ‘расстаться’ (Срезн. III, 45—46).

рѣснотиѣни Чудовская ветвь — *истинъни* Белозерско-Барсовская, Егоровская и Уваровская ветви, С-345: да и лѣны оубо не мозѣмъ очима мѣрити нѣ мыслими а еже вельми паче очесу истинъниши

есть на рѣснотиѣниое изобрѣтение Квар-47, л. 155 об. Первый лексический вариант, читающийся в списках Чудовской ветви, отмечен И.И. Срезневским по двум ранним переводным произведениям — Псалт. толк. XII в. и Апост. XIV в. (Срезн. III, 223). На церковнославянский характер этого слова указывает его наличие в Азбуковнике XVII в., в котором оно пояснено словом *истинно*¹⁵. Слово *истинъни* известно по многим источникам с древнейших времен: Остр. ев., Мин. 1096 г., Панд. Ант. XI в., Гр. Наз. XI в., Нест. Бор. Гл., Новг. Ил. и т.д. (Срезн. I, 1145—1146). И.В. Ягич указывал, что слова *истина*, *истинъни* лишь позже, на паннонской почве, заменены словами *рѣснота*, *рѣснотиѣни*. Он отмечал употребление обоих слов (*истина* и *рѣснота*) в памятниках паннонского происхождения¹⁶. А.С. Львов, на основании примеров, взятых из словаря И.И. Срезневского, свидетельствующих об употреблении слов с корнем *рѣсн-* (*рѣсноватыи*, *рѣснота*, *рѣснотиѣни*, *рѣснотиѣни*, *рѣснъни*) в памятниках церковной литературы, не считал возможным признать эти слова восточнославянскими¹⁷. Возникает вопрос, почему в русских списках Чудовской ветви произошла замена слова *истинъни*, стоявшего в протографе Иоанна экзарха, понятного и употребительного в древнерусском языке, церковнославянским *рѣснотиѣни*. Ответ скорее всего заключается в том, что эта замена была связана с стилистической правкой, сделанной, чтобы избежать повторения: *истинъниши...* на *истинъное* изобрѣтение.

оутворити Чудовская ветвь — *оульстрити* С-345, Белозерско-Барсовская, Уваровская ветви: *ꙗвѣздами тѣми* оутвориль нбо МДАФ-145, л. 128. Оба слова синонимичны в значении ‘украсить’ и употребительны в древнерусском и церковнославянском языках.

Таковы некоторые лексические особенности списков Чудовской ветви, выявленные нами на материале IV Слова “Шестоднева”. Лексические варианты, отличающие списки этой ветви от списков остальных ветвей и групп, имеют двойкий характер: в тех случаях, когда они представлены в Чудовской ветви и в древнейшем сербском списке С-345 1263 г., эти варианты свидетельствуют о том, что в списках Чудовской ветви сохраняются древнейшие чтения, восходящие к протографу Иоанна экзарха. В тех же случаях, когда они находятся только в списках Чудовской ветви и противопоставлены вариантам из списков остальных ветвей и групп, можно с полным основанием считать их результатами редактирования, проведенного в протографе списков названной ветви. Это относится к словам *естество*, *изрѣдьни*, *дѣла*, *раздѣрати*, *рѣснотиѣни*, *оутворити*. Как было показано при анализе этих слов, замены могли быть вызваны разными причинами: употребительностью слов в древнерусском языке, различиями в семантике слов в древнерусском и старославянском языках, переосмысливанием контекста, стилистическими причинами.

¹⁵ Коштун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 300.

¹⁶ Jagic V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. S. 352.

¹⁷ Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 136.

Изучение словообразовательных особенностей списков Чудовской ветви еще в большей степени, чем анализ их лексических вариантов, подтверждает, что протограф списков этой ветви подвергся значительному редактированию. Так, в тексте IV—V Слов этих списков наблюдается последовательное употребление существительных с суф. *-ie* (*-ij*), тогда как в списках остальных ветвей и групп преобладают слова с суф. *-ьство(o)*: соущие—соущество, дебелие—дебельство, подобие—подобство, величие—величество, обилие—обильство, безоумие—безоумство, безумельство, добровѣрие—добровѣрство, правовѣрие—правовѣрство, цѣломоудрие—цѣломоудрство, несмыслие—несмыльство, равние, равнение—равенство, разные—разньство, разнение, различие—различство (в приведенных примерах на первом месте стоят варианты из списков Чудовской ветви).

Отказ от суф. *-ьство(o)* выразился в списках Чудовской ветви не только в замене его суф. *-ij-*, но суффиксами *-ость*, *-от(a)*: *великота* Чудовская ветвь — *величество* Белозерско-Барсовская, Егоровская и Уваровская ветви, С-345; *разнота* Академическая группа Чудовской ветви, *разность* Румянцевская группа той же ветви — *разньство* Белозерско-Барсовская ветвь, С-345; *прѣмоудрость* Чудовская, Уваровская ветви — *прѣмоудрство* С-345; *дрѣхлость* Чудовская ветвь — *дрѣхльство* Егоровская, Уваровская ветви, С-345; *далесть* Чудовская ветвь — *далство* Белозерско-Барсовская, Егоровская ветви, С-345; *касность* Чудовская, Егоровская и Уваровская ветви — *касньство* С-345.

В IV и V Словах списков Чудовской ветви можно видеть последовательно проведенную замену прилагательных с суф. *-ьск* прилагательными с суф. *-ъвъ*, *-н-*: *человѣчъ*—*человѣчъскыи*, *еретичъ*—*еретичъскыи*, *рыбныи*—*рыбъскыи*, *дробничъныи*—*дробничъскыи*, *ужныи*—*южъскыи*.

Отмечается употребление местоимений без суффиксов при наличии в списках остальных ветвей вариантов с суф. *-ов-*: *нѣкакыи*—*нѣкаковыи*, *тации*—*таковыи*, *сиции*—*сицевыи*, *инакыи*—*инаковыи* и т.п. (на первом месте здесь представлены варианты из списков Чудовской ветви).

Как известно, вариантность в суффиксации существительных, которые обозначают отвлеченный признак и образованы от основ соответствующего прилагательного или существительного (типа существительных на *-ie*, *-ота*, *-ость*, *-ьство*) наблюдалась в древнерусском языке на ранней стадии его развития. Она существовала и в старославянском языке, где ее наличие объясняется отсутствием единой лексической нормы, которая, как указывает Р.М. Цейтлин, в этот период "находилась в стадии становления, формирования, поэтому обилие дублетов и вариантов является одним из проявлений данного состояния литературного языка"¹⁸. Исследовательница отмечает значительное количество отвлеченных слов на *-ство* в языке Супрасльской рукописи, а также в двух Словах Иоанна экзарха Болгарского¹⁹.

Анализ соотносительных суффиксальных синонимических образований в списках "Шестоднева" показывает предпочтительность, отдываемую редактором протографа списков Чудовской ветви вариантам с суф. *-ие*, *-ость*, *-ота*, в то время как в списках Белозерско-Барсовской ветви преобладают слова с суффиксом *-ьство(o)*. Заметим, что в современном русском языке из рассмотренных нами пар сохранились в подавляющем большинстве случаев соответствующие варианты с суф. *-ие*, *-ота*, *-ость* при утрате слов на *-ство*. При сопоставлении указанных слов со словоуказателями к Хронике Георгия Амартола²⁰ и Успенскому сборнику²¹ оказалось, что в этих памятниках восточнославянской культуры XI и XII—XIII вв. также чаще представлены из рассмотренных нами пар варианты на *-ие*, *-ость*, *-ота*: *обилие* Хр. Г. Ам., Усп. сб., *подобие* Хр. Г. Ам., Усп. сб., *различие* Хр. Г. Ам., Усп. сб., *различие* Хр. Г. Ам., Усп. сб., *безоумие* Хр. Г. Ам., Усп. сб., *цѣломоудрие* Хр. Г. Ам., Усп. сб. (при наличии в Усп. сб. варианта *цѣломоудрство*), *величие*, *величество* Хр. Г. Ам., *великота* Усп. сб.

Нами были рассмотрены две ранние редакции "Шестоднева" Иоанна экзарха Болгарского, сохранившиеся в русских списках XV в. — Чудовская и Белозерско-Барсовская. Сопоставление списков этих ветвей показывает большие расхождения в истории их текстов, а также орфографии, лексике и словообразовании. Это является свидетельством того, что в ранний период бытования списков протографы двух ветвей значительно различались между собой, развивались в разных условиях, не подвергаясь взаимодействию. Принимая во внимание эти отличия, а также то, что в списках Белозерско-Барсовской ветви сохранились отчетливые следы среднеболгарского оригинала, и учитывая значительное проявление в ее списках южнославянского влияния, можно предположить, что списки этой ветви поступили на Русь в XV в. из Болгарии. Напомним, что в составе списков Белозерско-Барсовской ветви находится и болгарский список Син-35.

Списки Чудовской ветви, представленные Академической и Румянцевской группой, по-разному отражают южнославянское влияние в орфографии. Его проявление значительно сильнее сказалось на списках Румянцевской группы. Однако и они обладают рядом общевосточнославянских орфографических черт. При всех различиях в изводе списки обеих групп объединяет наличие общих лексических и словообразовательных особенностей, что свидетельствует об их происхождении из общего древнерусского источника. По-видимому, этот источник ведет свое начало от ранних болгарских списков "Шестоднева", поступивших на Русь, возможно, уже в XI в. В пользу этого соображения свидетельствуют следующие факты. Прежде всего, списки Академической группы Чудовской ветви сохраняют характерные русизмы в правописании в соответствии с ранней русской орфографической нормой XI—XII вв. Южнославянское влияние, в разной степени кос-

¹⁸ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977. С. 183.

¹⁹ Там же. С. 160.

²⁰ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Л., 1930. Т. III.

²¹ Успенский сборник XII—XIII вв. / Издание подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянин, М.В. Ляпон / Под. ред. С.И. Коткова. М., 1971.

нувшееся списков этой группы, не привело к утрате их собственно русских особенностей. Существование ранней русской редакции "Шестоднева" подтверждается данными из истории древнерусской литературы, в частности, включением отрывков из этого произведения в состав Толковой Палеи. О древности протографа списков Чудовской ветви свидетельствует тот факт, что в них сохранился по сравнению со списками остальных ветвей в ряде случаев более древний слой лексики. Этим обстоятельством объясняется объединение списков Чудовской ветви с древнейшим списком С-345 1263 г. по лексическим и словообразовательным данным. Наконец, говоря об XI в. как наиболее вероятном времени появления старших русских списков "Шестоднева", следует иметь в виду историю русско-болгарских литературных связей. А.И. Соболевский считал, что в первое столетие после крещения на Руси были известны почти все южнославянские переводы IX—X вв.²² На раннее знакомство русских читателей с произведениями болгарских писателей указывали Б.С. Ангелов,²³ И. Дуйчев²⁴. Касаясь вопроса о русско-южнославянских литературных связях X—XV веков, В. Мошин подчеркивает, что в русской литературе XI—XII веков "все южнославянские оригиналы, которые могут быть определены хронологически, относятся к старославянской письменности IX—X вв."²⁵ Основываясь на этом соображении, а также на других фактах, В. Мошин высказывает мнение о прекращении в XI в. притока болгарских рукописей в Восточную Европу.

Сказанное дает возможность предположить, что протограф списков Чудовской ветви представлял собой раннюю русскую редакцию Шестоднева, появившуюся в XI—XII в. С течением времени произошло разделение списков этой ветви на две группы: Академическую и Румянцевскую. Последняя получила распространение на юге и западе Руси, а позднее вышла за ее пределы. В составе Румянцевской группы среди других имеется рукопись из собр. Хлудова N 44 (ГИМ), первая пол. XVI в., написанная западнорусским полууставом, которая была взята "за саблею посреди Литовског гѣдства в столномъ граде Вилне", со следами сильного южнославянского влияния, а также рукопись из собр. Рогожского кладбища (ГБЛ) кон. XVI—нач. XVII в. с украинскими особенностями в правописании, тоже отражающая сильное южнославянское влияние в орфографии.

Списки Академической группы Чудовской ветви наиболее четко продолжили традицию ранней русской редакции "Шестоднева". Они гораздо многочисленнее по сравнению со списками остальных групп всех ветвей (13 списков из 52). Среди них 4 списка XV в.: МДАФ-145,

Квар-47, Солов-318, Чудв-171. Как свидетельствует запись писца, последняя рукопись была написана в 1492 г. в Новгороде для диакона Герасима, а "писал Васюк діакъ Володимерской". Авторитетность списков ранней русской редакции подтверждается тем, что в состав Великих Четий Миней митрополита Макария вошел именно список Академической группы Чудовской ветви.

Выделение редакций "Шестоднева" Иоанна экзарха Болгарского на основе текстологических признаков и их последующее языковое исследование представляет определенный интерес как для истории русского, так и болгарского языков. Анализ языковых особенностей этих редакций показывает направления, по которым осуществлялось на Руси редактирование, раскрывает его сущность, проясняет вопрос о взаимодействии церковнославянских и восточнославянских синонимов, позволяет связать лексические и словообразовательные особенности списков с редакциями. Наконец, оно может привести к установлению инвариантной лексики памятника (т.е. его словарного состава за вычетом всех слов, варьирующихся в списках разных ветвей и групп), которая с большой вероятностью может быть отнесена к протографу Иоанна экзарха.

Определение русской или южнославянской редакции какого-либо текста (а не только "Шестоднева") является одним из наиболее спорных и малоразработанных вопросов в истории славистики. При его решении, помимо определения извода списков, в качестве основного критерия используют анализ лексических различий. Однако сопоставление лексических вариантов с данными словарей, как известно, не всегда может свидетельствовать о русском или южнославянском происхождении слова. Это отмечал еще В.М. Истрин: "Присутствие того или другого слова у Срезневского и отсутствие у Миклошича не будут непременно говорить, что данное слово есть слово русское. Также и присутствие у Срезневского слов, взятых из русских памятников, но из писателей духовных или из примеров библейских или литургического употребления, не будут тоже говорить о принадлежности их русскому языку"²⁶. Недостатки в изучении восточнославянской лексики Ф.П. Филин объяснял "отсталостью славянской исторической лексикографии"²⁷. Отсутствуют работы по историческому словообразованию, которые позволили бы считать тот или иной вариант принадлежностью русской редакции. В этой связи наиболее перспективным может стать путь сопоставительного изучения старославянских памятников, сохранившихся в многочисленных русских и более редких южнославянских списках. По мере накопления фактического материала оно поможет в локализации выявленных вариантов.

²² Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. V.

²³ Ангелов Б.С. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958; Он же. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 132—138.

²⁴ Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 107—129.

²⁵ Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 61.

²⁶ Истрин В.М. Указ. соч. С. 483.

²⁷ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л. 1982. С. 275.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАБОТЕ РУКОПИСЕЙ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

Арх-124	БАН, собр. Архангельское, С № 124, XVII в.
Бар-90	ГИМ, собр. Барсова, № 90, XV в.
Бел-1	ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 1/126, XV в.
Бел-13	ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 13/1090, XV—XVI в.
Вол-443	ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 443, посл. четв. XV в.
Егр-619	ГБЛ, собр. Егорова, № 619, XVI в.
Квар-47	ГПБ, ф. 550 (ОСРК) Q 1.47, XV в.
МДАФ-145	ГБЛ, собр. Московской Духовной академии (фунд.), № 145, XV в.
Поп-162	ГБЛ, собр. А.Н. Попова, № 162, кон. XVI—нач. XVII в.
С-345	ГИМ, собр. Синодальное, № 345, 1263 г.
Сол-1186	ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 1186/1296, нач. XVI в.
Солв-318	ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 318, XV в.
Чудв-171	ГИМ, собр. Чудовское, № 171, 1492 г.